ББК 63.3(2)53-284.3

Р. Н. Сулейманова

«ПОЛОЖЕНИЕ ЕЕ ДОВОЛЬНО СНОСНО…»: ВЗГЛЯДЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в. НА ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ (На примере башкир)

Женщина в российском обществе. 2016. № 2 (79). С. 69—81

На основе анализа фундаментального научного труда известного российского ученого-этнографа С. И. Руденко рассматривается положение женщины в традиционном башкирском обществе. Показывается отношение С. И. Руденко и отечественных исследователей второй половины XIX — начала XX в. к трактовке этого вопроса и к общественному статусу женщин мусульманских народов России.

Ключевые слова: женщина, традиционное общество, башкиры, мусульмане, Россия, регион, ученый, отечественные исследователи.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.2.7

R. N. Suleimanova. “She is reasonably well positioned…”: the views of local researchers of the second half of XIX — early XX c. on the position of women in traditional society (On the example the Bashkirs)

The article, based on the analysis of the fundamental scientific work of the famous Russian ethnographer S. I. Rudenko “The Bashkirs. A case of ethnological monograph” (the second part was published in 1925), considers the status of women in traditional Bashkir society. Shown are the attitude of S. I. Rudenko and other Russian researchers of the second half of XIX — early XX c. to the social status of women of the Muslim peoples of Russia.

On the basis of the detailed analysis of works of Russian scientists and researchers, S. I. Rudenko comes to the conclusions about the status of women in traditional Bashkir society: it was better, than position of women of other peoples of Russia — both Christian and Muslim.

Key words: woman’s social status, the traditional society, the Bashkirs, the Muslims, Russia, the region, Russian researchers.

© Сулейманова Р. Н., 2016

Сулейманова Рима Нугамановна — доктор исторических наук, доцент, заведующая отделом новейшей истории Башкортостана, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, г. Уфа, Россия, rnsulejman@mail.ru (Dr. Sc., Associate Professor, Head of the Department of the Recent History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia).

Социальный статус и роль женщины в том или ином обществе всегда имели свою специфику. Это зависело от множества факторов: исторических, экономических, географических условий, характерных для данного народа и данного общественного строя обычаев, традиций, общепринятых норм морали и др. Однако в любой период истории женщина играла (и продолжает играть) важную роль в общественной жизни.

В отечественной истории положение женщины в обществе, распределение обязанностей в семейно-бытовой сфере изменялись. В одной публикации, посвященной общественному статусу кавказской женщины, автор пишет: «Права и обязанности женщины, равно как и мужчины, в традиционных обществах в большей мере проистекали из базовых мировоззренческих установок относительно своеобразия женской/мужской природы, судьбы и роли женщины/мужчины в жизни общества» [Карпов, 2000: 22]. К таким же выводам можно прийти, рассматривая статус женщины в традиционном башкирском обществе. Эта тема привлекала внимание отечественных исследователей и освещалась в научной и краеведческой литературе. Среди многочисленных работ безусловного внимания заслуживают труды Сергея Ивановича Руденко, видного российского ученого-этнографа, посвятившего свою жизнь изучению истории и культуры народов России, в том числе башкир.

Интерес ученого был тесно связан с его биографией. Отец С. И. Руденко работал в Комиссии по размежеванию башкирских земель, поэтому свое детство и отрочество исследователь провел в Башкирии. Бывая с отцом в деревнях, он внимательно наблюдал за повседневной жизнью людей, за нравами и обычаями, которых они придерживались, и очень любил слушать народные сказки и предания. Став студентом Петербургского университета, С. И. Руденко всерьез увлекается исследовательской работой, которую начинает с изучения истории и культуры башкир. В 1906 и 1907 гг. он предпринимает поездки в Башкирский край с целью обследования и сбора вещевого материала для этнографического отдела Русского музея. Кроме выполнения основной задачи поездки, ученый приступает к изучению структуры родо-племенной организации башкир, территории их расселения, земельных отношений. Он также записывает обычаи и обряды, предания и сказки башкирского народа. Впоследствии ученый не раз будет посещать Башкирский край для сбора материалов по истории и культуре этого народа, которые ему были нужны для написания обобщающей монографии.

В 1915 г. С. И. Руденко завершил первую часть монографии, посвященную обследованию физического типа башкир. Она была издана на следующий год. Он подготовил и вторую часть монографии, которую назвал «Быт башкир». Однако по объективным причинам ее выход задержался и свет она увидела лишь в 1925 г.

Эта часть монографии нам представляется особенно важной и интересной. И вот почему. В общественном сознании прочно утвердилось мнение о невыносимо тяжелом положении башкирки в семье и обществе, в чем немалую роль сыграла советская историография. Но это не подтверждается историческими, этнографическими, фольклорными материалами, а также делами бракоразводных процессов. Мнений исследователей по вопросу о действительном положении башкирской женщины существовало много. Несмотря на различия во взглядах, все ученые были едины в одном: башкирки пользовались относительно большей свободой, чем женщины других народов России (см.: [Сулейманова, 2008: 327]).

В монографии С. И. Руденко дал подробную этнографическую характеристику башкир XIX — начала XX в., всех форм хозяйственной деятельности народа. Опираясь на разнообразные источники — фольклор, статистические сведения, научно-справочную и краеведческую литературу, а также личные наблюдения, ученый анализирует семейно-бытовые отношения башкир, место и роль башкирских женщин в семье и обществе. Остановив свое внимание на этом вопросе, он выразил к нему и свое отношение. Нужно заметить, что С. И. Руденко, начиная с первых публикаций по женскому вопросу, не разделял официально установившееся в советской историографии мнение о тяжелом положении и полном бесправии башкирок. В монографии он ставит конкретный вопрос: «Каково же положение башкирской женщины в семье? Смотрят ли на нее как на купленную за деньги рабу, как думают одни исследователи… или положение ее довольно сносно и даже лучше, чем положение русской женщины, как это думают другие…» [Руденко, 1925: 257]. Отвечая на него, ученый исходит из следующих аргументов: «…прежде всего надо иметь в виду, что жена всегда вносит в хозяйство довольно значительное имущество (тем более значительное, чем значительнее калым), которое нельзя назвать приданым в полном смысле этого слова, так как собственником этого имущества остается жена. Ей принадлежит, кроме всевозможной одежды и дорогих украшений, также скот, который она с собой привела в семью мужа, со всем приплодом. Не только доходы от ее имущества идут в ее пользу, но муж без ее согласия не имеет права ни продать, ни зарезать ни одно из принадлежащих ей животных. Возможность развода в случае побоев со стороны мужа или даже при грубом с ней обращении, после которого она может уйти из семьи со всем своим имуществом, делает ее положение достаточно независимым, а пожилые женщины нередко пользуются в башкирских семьях даже большим влиянием» [там же].

В трудах известных российских ученых и исследователей XIX в., особенно второй половины, и начала XX в., посвященных изучению башкир, уделялось внимание положению женщины в традиционном обществе. Прежде всего отмечалась ведущая роль башкирских женщин в хозяйственной жизни. Об этом писали П. И. Небольсин, В. М. Черемшанский, И. М. Казанцев, П. С. Назаров, С. Г. Рыбаков, Д. П. Никольский, В. И. Филоненко и многие другие. П. И. Небольсин, историк, этнограф и литератор XIX в., известный своими публикациями по истории и культуре российских народов, в «Заметках о башкирцах», опубликованных в известном отечественном издании, констатировал: «Вся тягость домашних занятий у башкуртов лежит на женщине». И далее перечислял их: «В продолжение целого лета только у нее и забот, чтобы ухаживать за коровами и кобылами, доит их, приготовляет кумыс, смотрит за прочностью турсуков и сабы, в которых хранится этот… напиток, бить масло, приготовлять крут… В свободное от этих занятий время женщины посвящают свои труды шитью белья из приготовленного весной холста... сапогов для целой семьи и, таким образом, хлопочут с утра до ночи вплоть до времени сенокоса. <…> По окончании всех полевых работ семейство возвращается в свои селения. Тут женщину ожидают новые заботы: она поправляет печь или чувал, обтягивает пузырем окна, приготовляет на зиму крупу, пеньку, шьет сапоги из кобыльей кожи, прядет шерсть, делает сукно на платье, рукавицы и онучи всем членам

своего дома, шьет кафтаны, дубит овчины, шьет из них тулупы и валяет войлоки для кибиток…» [Небольсин, 1850: 5].

Так же высоко оценивает труд башкирок в домашнем хозяйстве российский географ и краевед В. М. Черемшанский в своей знаменитой монографии, посвященной многостороннему изучению одной из губерний России — Оренбургской и удостоившейся малой золотой медали Ученого комитета Министерства государственных имуществ. В ней он приводит немало интересных сведений о быте башкир. Касаясь общественного положения башкирок, ученый указывает, что «все обязанности домашних работ лежат преимущественно на их ответственности» [Черемшанский, 1859: 148].

С ними соглашается И. М. Казанцев, историк и этнограф, многие годы отдавший казенной службе в Оренбургском крае. Посещая по служебному долгу уезды края, он увлекается сбором сведений по материально-бытовой традиционной культуре и хозяйственной жизни башкир и казахов. В своем труде, посвященном описанию башкир, он останавливается на роли женщин в хозяйственной жизни и делает следующий вывод: «Обязанности домашних работ лежат более на ответственности женского пола». И приводит все виды работ, которыми занимались башкирки: «Они приготовляют сукна для платья, ухаживают за скотом, снимают с него в известное время шерсть, доят кобыл, коров и коз, приготовляют из молока обыкновенные их съестные припасы, не только для ежедневной пищи, но и для заготовления на службу мужьям…» [Казанцев, 1866: 28—29]. Заметим, что исследователи действительно были едины во мнении о ведущей роли башкирок в хозяйственной деятельности, о чем свидетельствуют сделанные ими в трудах соответствующие выводы.

Следует подчеркнуть, что в последующий период взгляды российских ученых и исследователей на положение женщины в традиционном обществе особо не изменились. Это подтверждают публикации П. С. Назарова, С. Г. Рыбакова, Л. фон Бергхольца, Д. П. Никольского, В. И. Филоненко и других, которые пришли к тому же выводу о «весомом вкладе башкирок в ведение хозяйства». В статье, посвященной этнографии башкир, П. С. Назаров, касаясь вопроса участия башкирской женщины в хозяйственной жизни, указывал, что «все хозяйство лежит на ней» [Назаров, 1890: 190]. С. Г. Рыбаков, известный собиратель музыкального фольклора, не раз бывавший в Башкирском крае, в своих публикациях также рассматривал сферу семейно-бытовой жизни башкир. В одной из них он скрупулезно перечисляет все дела башкирок, которыми они занимались в домашнем хозяйстве: «Вскоре после восхода пробуждаются люди, прежде всего башкирки, которые принимаются за хозяйство: доят коров, коз, разводят костры, ставят самовары, спустя немного ночные пастухи пригоняют дойных кобыл и башкирки принимаются за доение их…» [Рыбаков, 1897: 19], и делает вывод, что «вообще башкирки деятельнее, чем башкиры» [там же: 20].

В отечественных исследованиях конца XIX в. красной нитью проходит заключение авторов о ведущей роли башкирских женщин в хозяйственной жизни. О том, что на них возложены все домашние работы, и о той большой роли, которую они играют в ведении домашнего хозяйства, писали Л. фон Бергхольц, детально изучивший жизнь башкир Катайской волости Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии [Бергхольц, 1893: 80], известный

русский врач и общественный деятель Д. П. Никольский, посвятивший башкирам специальное исследование [Никольский, 1899: 140], преподаватель уфимской гимназии В. И. Филоненко, опубликовавший немало работ о башкирах [Филоненко, 1914: 303], и другие.

В то же время в этих исследованиях отмечалось одно интересное наблюдение, касающееся семейно-бытовой жизни башкир: при особенно большой загруженности башкирки домашними делами явным было проявление лености башкир в этой сфере семейного быта. Так, П. Л. Юдин считал башкирок «трудолюбивее мужчин» [Юдин, 1890]. П. С. Назаров, показывая занятость башкирки в хозяйстве, делал вывод, что «муж ни во что не вступается, следовательно, ничего не делает» [Назаров, 1890: 190]. Л. фон Бергхольц отмечал, что у катайцев «хозяйка всегда чем-нибудь занята, у нее всегда есть работа, на что любуется лежащий и ничего не делающий муж» [Бергхольц, 1893: 80]. Н. А. Крашенинников так описывал эту сторону семейной «идилии»: «Войдешь в избу — баба что-нибудь шьет или моет, а хозяин спит; спит тогда, когда в доме нет ни куска хлеба...» Более того, показывая большую загруженность башкирок в домашнем хозяйстве, он яркими мазками рисует отношение к этому башкира: «...их властелин или спит, или балакает вздор с соседями; иные считают за унижение принести воды или охапку дров» [Крашенинников, 1907: 11].

С. И. Руденко был полностью согласен с выводами российских ученых и исследователей о роли башкирок в ведении хозяйства. В монографии он пишет: «Вся домашняя работа лежит на башкирской женщине: она приготовляет пищу и ухаживает за детьми, доит коров и кобылиц, заготовляет на зиму запасы провизии, шьет одежду и обувь, ткет холст и сукно, валяет войлок и проч. В страдную пору она жнет хлеб, а местами и косит, мелет муку на ручных жерновах, ходит за огородом и проч., и проч.» [Руденко, 1925: 258]. Таким образом, положение башкирской женщины в семье, по мнению отечественных ученых, было «довольно сносно» ввиду ее «ведущей роли в хозяйственной жизни».

На эту особенность семейной жизни у башкир обращалось внимание в исследованиях П. С. Назарова, С. Г. Рыбакова, Д. П. Никольского и других. Так, П. С. Назаров писал: «Нравственное положение женщины в семье довольно сносно, так как коренной обычай башкир запрещает не только бить, даже грубо обходиться с женой…» [Назаров, 1890: 190]. Д. П. Никольский по этому поводу замечал: «Семейная жизнь башкиров протекает тихо и мирно… Положение башкирской женщины в семье, по нашим личным наблюдениям, довольно сносно». Далее он указывал причину такого ее положения: «У башкир не только запрещается бить жену, но не дозволяется даже грубо обходиться с нею…» Ученый сделал следующий вывод: «Положение башкирской женщины в семье, пожалуй, лучше положения русской» [Никольский, 1899: 140, 141].

С. Г. Рыбаков, касаясь семейной жизни у башкир, довольно высоко оценивал отношение мужей к женам. Он считал, что «мягкость характера, или, так сказать, естественная гуманность, составляет чуть ли не отличительное качество башкир». «Прежде всего, — пишет он, — это качество проявляется в семейной жизни, которая хотя построена на азиатской основе — на безусловной подчиненности женщины, но свободна от систематического проведения и гнета этого принципа и является гораздо проще и естественнее, чем у других мусульман.

<…> Мужья не разыгрывают из себя деспотов по отношению к женам и предоставляют последним известную свободу от обрядностей, не подвергают их телесным побоям за редким исключением... Вообще у башкир нет той жестокости, пренебрежения и необузданности по отношению к женам, как у киргиз...» Ученый делает следующий вывод: «Хотя принцип безграничной власти мужа над женою оставался незыблемым, башкиры явно обнаружили несочувствие такому дикому и необузданному проявлению этой власти». У них к женам, отмечает он, «преобладает мягкое, отнюдь не деспотическое, добродушное отношение» [Рыбаков, 1897: 32].

В другой своей публикации, посвященной семейной жизни татар, проживавших в Уфимской и Оренбургской губерниях, С. Г. Рыбаков сравнивает положение татарок в семье с положением женщин у «инородцев»: «Семейная жизнь их (т. е. татар) замкнута: жены почти не показываются мужчинам, за исключением русских, тщательно скрывают свое лицо от посторонних взоров и вращаются только в семейном кругу, не появляясь ни в каких общественных местах и сборищах, в то время как у других инородцев женщины пользуются большею свободою: у башкир почти не закрываются в присутствии мужчин, а у киргиз вовсе не закрываются и наравне с мужчинами занимаются промыслами, приезжают иногда одни в города на базары и продают там кумыс, пшеницу и проч. ...» [Рыбаков, 1895: 281]. Эту же особенность у башкирок-катаек подметил Л. фон Бергхольц: «...лиц они не закрывают, как это делают все магометанки...» [Бергхольц, 1893: 80].

С. Г. Рыбаков в данной публикации отмечает еще одну своеобразную черту семейного быта башкир — наличие в коши «частей, которые отгораживаются ситцевыми занавесками, за которыми укрываются жены и вообще женский пол, когда у хозяина бывает в гостях мужская компания» [Рыбаков, 1895: 286].

В своей монографии С. И. Руденко семейную жизнь башкир характеризует следующим образом: «…семейная жизнь башкир протекает весьма мирно, жена почти никогда не возражает мужу, последний же относится к ней с большим вниманием…» [Руденко, 1925: 258]. Ученый считает, что в основе такого уклада башкир лежит родовой строй. По его мнению, больше всего общих черт в семейно-бытовом строе у башкир с казак-киргизами, причем восточные, зауральские башкиры хранят древний уклад семейной жизни много лучше, чем западные башкиры, и особенно северо-западные [там же].

С другой стороны, опираясь на большой круг источников, ученый показывает незавидное, зависимое положение башкирки. Об этом говорят сохранившиеся некоторые свадебные обряды, обычаи традиционного семейного уклада, которые он приводит в своей монографии. О ее нелегком положении в семье свидетельствует также большая загруженность домашней работой, участие наравне с мужчинами в хозяйственных делах (косьба, жатва, молотьба и др.).

Нужно заметить, что еще в XVIII в. в обобщающем труде о народах России академик И. И. Лепёхин, рассматривая семейный быт башкир, положение женщины, писал: «Башкиркам в веселых пиршествах, особливо при приезжих людях, быть не дозволяется… Новомужние башкирки сначала бывают стыдливы, а особливо при приезжих посторонних или своих старших сродственниках.

Они тогда оборачиваются всегда в угол и сколько можно прячут свое лицо... В разговор со старшими никогда не вступают, но совершенное наблюдают молчание, оборотясь в угол» [Лепёхин, 1802: 115, 153].

В последующий период в подтверждение высказывания академика многие российские ученые и исследователи указывали на бесправное положение башкирки в семье и обществе. Так, Л. фон Бергхольц, детально изучив жизнь и быт башкир-катайцев одного из уездов Оренбургской губернии, сделал следующий вывод: «Семейная жизнь катайцев не отличается ничем от жизни других башкирских родов. …На женщину мужчины смотрят как на вещь, как на рабыню; она не смеет вступать в разговор мужа с кем-либо из посторонних» [Бергхольц, 1893: 80]. Причина этому кроется в том, писал Д. П. Никольский, что башкиры считают: «женщина происходит из кости левого бока мужчины», поэтому «женщины и стоят и сидят на левой стороне» [Никольский, 1899: 117].

В 1907 г. в Москве вышла небольшая книга под названием «Угасающая Башкирия», автором которой был известный русский беллетрист, автор многочисленных повестей, пьес и очерков, в частности о Башкирии и башкирах, Н. А. Крашенинников. В этой книге он указал на незавидность участи башкирской женщины: «Жена в башкирской семье почти то же, что лошадь, оба живут впроголодь, а работают до упаду» [Крашенинников, 1907: 11].

С ними соглашались отечественные исследователи П. Л. Юдин, И. М. Казанцев, П. С. Назаров и другие. Краевед и журналист П. Л. Юдин опубликовал на страницах одного из периодических изданий довольно интересный очерк о быте и повседневной жизни башкир. В нем он написал о «трудолюбивых» башкирках, которые, однако, «никогда и ни в каких духовных церемониях не участвуют» [Юдин, 1890]. В статье, посвященной башкирам, П. С. Назаров отмечал, что замужняя башкирка «не показывает своего лица, а свекру продолжает не показываться в течение года, почему и должна есть отдельно от него»; это указывает на ее зависимое положение в семье мужа [Назаров, 1890: 189].

В монографии С. И. Руденко акцентирует внимание на таких моментах, как поведение женщины во время приема пищи и выполнение ею домашних обязанностей. Он пишет: «…если в кругу своей семьи женщина ест вместе со всеми чадами и домочадцами, то при постороннем мужчине, если только он человек не близкий, она отходит на задний план, подает на стол, но сама не имеет места» [Руденко, 1925: 258].

Таким образом, в научной и общественной мысли России второй половины XIX — начала XX в. широкораспространенными продолжали оставаться традиционные идеи о природных предпосылках неполноценности женщин, их второстепенном месте в обществе и семье. Однако положение женщины в традиционном башкирском обществе с ранних этапов истории народа было достаточно высоким в сравнении с положением женщин других народов страны. Исследователи связывают это с особенностями кочевого образа жизни башкир, при котором женщина наравне с мужчиной переносила все тяготы нелегкой кочевой жизни, вела всю домашнюю работу.

Каким же было в трактовке С. И. Руденко положение женщины в традиционном башкирском обществе? Опираясь на широкий круг разнообразных

источников, он делает следующий вывод: «…вообще башкирские женщины пользуются относительно большей свободой, чем у многих других мусульманских народов». И далее на примере конкретных башкирских родов его раскрывает: «Восточная зауральская башкирка, за исключением тестя, почти ни от кого не закрывает своего лица. То же можно сказать и про горных башкир». Одновременно на примере западных башкир он показывает незавидное положение женщин, которое мало чем отличалось от положения женщин соседних татар [там же: 257].

Ученый отмечает существовавшую у башкир специфику положения некоторых групп женского населения: «Пожилые женщины и девочки лет до одиннадцати, двенадцати совсем не закрываются. Еще не так давно башкирские женщины принимали участие наравне с мужчинами в некоторых народных празднествах, а местами (на северо-западе) еще и теперь сохранились общие игры и гулянья парней с девушками» [там же].

Можно указать и другую особенность положения женщины в традиционном башкирском обществе, которая говорит в пользу ее независимости, — ее имущество. Оно было неприкосновенным, владела им только сама женщина и по наследству передавала лишь своей дочери. Скот никто в семье не имел права продать, зарезать, в пользу женщины шли доходы от имущества, само приданое, часть калыма. Все это делало ее экономически независимой и самостоятельной, поэтому ее статус в семье и обществе являлся достаточно высоким. При этом нужно заметить, что таким положение было не у всех женщин, да и не всегда, на что указывают исследователи: положение снохи (килен) в семье характеризовалось как бесправное и зависимое. Башкирский историк А. З. Асфандияров в своей книге о башкирской семье в прошлом, опираясь на документальные материалы и разнообразные источники, о положении снохи в семье мужа писал следующее: «Она не имела права входить в комнату, если там находился посторонний мужчина. Увидев тестя (кайны) или старшего брата мужа (кайнага), она обязана была прикрывать половину лица платком. Домашняя работа всей своей тяжестью падала на нее. Она обязана была угождать и мужу, и свекрови...» [Асфандияров, 1997: 81].

Об этом упоминалось и в исследованиях XIX — начала XX в. На данную особенность положения башкирки в семье мужа указывал академик И. И. Лепёхин [Лепёхин, 1802: 153]. П. С. Назаров отмечал: «Войдя в дом мужа, молодая становится на колени перед свекром и свекровью, выражая этим свою полную покорность им» [Назаров, 1890: 189]. Об этом же писал В. И. Филоненко: «При входе в юрту своего мужа молодая делала коленопреклонение... свекру, деверю...» [Филоненко, 1914: 304]. Д. П. Никольский замечал, что у башкир жена «должна угождать мужу, ухаживать за ним, не грубить и т. д.» [Никольский, 1899: 140].

Однако затем положение башкирки в обществе стало принижаться. С чем это было связано? По мнению С. И. Руденко, на статус женщины в обществе, наряду с проявлениями патриархата, повлияло также распространение среди башкир ислама. Это ограничивало масштабы свободы и самостоятельности женщины, ставило преграды между ею и мужчиной как в общественной,

так и в семейно-бытовой жизни. На данное обстоятельство указывает и А. З. Асфандияров: «…до победы ислама в XIII—XIV вв. женщины в Башкирии были гораздо более свободны, чем впоследствии» [Асфандияров, 1997: 80].

Конечно, глубоко в среду башкир ислам проникнуть не мог ввиду специфики кочевого образа жизни народа и достаточно высокого уровня участия женщин в хозяйственной жизни. Кочевая культура рождала уважительное отношение к женщине, обусловленное тем серьезным вкладом, который она вносила в экономику семьи, общества. Активная хозяйственная деятельность башкирки в кочевом обществе, с одной стороны, и институт затворничества, который предполагал минимальную роль женского труда, с другой стороны, не могли быть совместимы. Поэтому С. И. Руденко считал, что затворничество и ношение ритуального покрывала в башкирском обществе почти не знали [Руденко, 1925: 258]. Подтверждением этому являются взгляды отечественных ученых и исследователей: И. И. Лепёхина, П. С. Назарова, П. Л. Юдина, Л. фон Бергхольца, С. Г. Рыбакова, В. И. Филоненко и других.

В советской литературе по данному вопросу ученые делали выводы, аналогичные мнению С. И. Руденко. Так, Л. И. Климович отмечал своеобразие общественного положения башкирской женщины: «Среди многих народов, например киргиз, казахов, башкир, карачаевцев, курдов, обычаи женского затворничества и ношения ритуальных покрывал вообще не привились…» [Климович, 1965: 293]. Л. И. Шайдуллина также писала, что «башкирская женщина во все времена оставалась свободной от ношения покрывала и не подверглась затворничеству». Причину она видит в особых условиях жизни кочевников, тяготы которой женщине приходилось переносить наравне с мужчинами. Она считает, что «у башкир, принявших ислам, женщина оставалась свободной от этих обычаев. Девушки вступали в брак будучи уже взрослыми, сами выбирали себе мужей» [Шайдуллина, 1963: 209].

И все же такой институт ислама, как многоженство, был принят обществом, поскольку давал дополнительную рабочую силу для ведения хозяйства. Нужно заметить, что в отечественных исследованиях конца XIX — начала XX в. обращалось внимание на эту сторону семейной жизни башкир. Так, В. М. Черемшанский замечал: «Башкирцы, как и все вообще мусульмане, имеют достаточные по две и по три жены, а бедные по одной. Впрочем, в настоящее время многие из благоразумных башкирцев не увлекаются примером многоженства, считая его главною причиной семейных несогласий, и при всей возможности иметь несколько жен всю жизнь довольствуются одною» [Черемшанский, 1859: 160]. П. С. Назаров, описывая «более или менее сносное положение» башкирки в семье мужа, оговаривается: «То, что я сказал... придется несколько ограничить. Ей действительно живется хорошо, если она одна в доме хозяйка. Не то бывает, если башкир возьмет себе еще другую жену» [Назаров, 1890: 191]. И добавляет, что многоженство возможно только у богатых башкир: «“Урус бай булса юрт ишляр, мусульман бай иси катан аляр”, — говорит башкир, т. е. богатый русский строит дом, а богатый мусульманин набирает жен» [там же: 192]. Об этом также пишет Д. П. Никольский: «...тихое и мирное течение семейной жизни идет, однако, только до тех пор, пока у башкира одна жена; но раз он берет вторую жену, картина меняется...» [Никольский, 1899: 141].

Тем не менее даже довольно высокий уровень участия женщин в хозяйственной жизни не означал их равноправия с мужчинами, потому что особенностью традиционного общества являлось господство патриархальных отношений, основанных на доминировании, главенстве мужчины и подчиненном, зависимом положении женщины. Нужно отметить, что в соответствии с российским законодательством женщины были ограничены в своих правах в значительно большей степени, чем мужчины. Это особенно проявлялось в вопросах наследования и разделе имущества. Имущественные права женщин ущемлялись также и после развода [Сулейманова, 2014: 54]. Поэтому вполне уместен здесь вывод известного писателя, краеведа, преподавателя уфимской духовной семинарии В. В. Зефирова, который он сделал в своей статье о семейном быте башкир, написанной еще в середине XIX в. В. В. Зефиров заключал, что «семейный быт их остался неприкосновенным ни малейшему изменению» [Зефиров, 1989: 422].

Подтверждений тому можно привести немало. Показательно в этом отношении письмо башкир Оренбургского уезда, направленное в начале XX в. своему депутату в Государственной думе, в котором они просили его «ввиду бесправного положения магометанских женщин… настоять на уравнении в правах их с мужьями» (цит. по: [Сулейманова, 2014: 20]). В тот период в печатных изданиях, в том числе мусульманских, все чаще стали выходить публикации с требованием доступа женщин к получению образования, что позволило бы им бороться за возвращение потерянных прав (см.: [там же: 15]). Это подтверждает точку зрения С. И. Руденко и ряда исследователей в данном вопросе.

Приведем еще один интересный документ начала 1930-х гг., найденный в отечественных архивах. Безусловно, в послеоктябрьский и последующие периоды в политической, экономической и духовной сферах общественной жизни советской Башкирии и ее народов, в том числе башкир, произошли серьезные перемены. Они, конечно же, оказывали позитивное влияние на статус башкирских женщин в обществе и семье, менявшийся в соответствии с требованиями нового времени. Однако, как показала действительность, этот процесс шел медленно, противоречиво и непросто. На это указывает письмо А. И. Ромма, направленного из Москвы в один из районов Башкирии в начале 1930-х гг. для сбора материалов по истории Гражданской войны, председателю БашЦИК А. М. Тагирову, где в форме отчета о командировке им описывалось действительное положение башкирского населения в целом и женщин в частности. Он сообщал следующее: «Когда заходите в дом к районному работнику, коммунисту, жена его зачастую даже не отвечает на ваше “здравствуйте”: как можно, чужой мужчина! Словно рабыня, она ставит самовар, собирает вам и мужу чай и уходит, либо если и садится с вами, то в разговоре не участвует, берет себе первую чашку только тогда, когда вы с ее мужем кончили есть и пить» (цит. по: [там же: 204]).

Таким образом, в отечественной общественной и научной мысли второй половины XIX — начала XX в. вопросы изучения башкир, положения башкирской женщины в традиционном обществе получили достаточное

освещение. Уделил им внимание и видный российский ученый-этнограф С. И. Руденко. Безусловно, его заслугой является объективное всестороннее рассмотрение в своей фундаментальной монографии о башкирах многих аспектов общественной, хозяйственной, семейно-бытовой жизни народа, положения женщины в традиционном обществе и произошедших в нем в последующие периоды серьезных перемен. Сделанные им выводы о довольно высоком статусе башкирки совпадают с устоявшимися мнениями известных отечественных ученых и исследователей. Однако все они считали, что в ходе исторического развития этот статус принижался, а положение женщины в обществе и семье становилось все более зависимым и неравноправным.

Библиографический список

Асфандияров А. З. Башкирская семья в прошлом (XVIII — первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 1997. 104 с.

Бергхольц Л., фон. Горные башкиры-катайцы // Этнографическое обозрение. 1893. № 3—4. С. 74—84.

Зефиров В. Взгляд на семейный быт башкирца // Башкирия в русской литературе / сост. М. Г. Рахимкулов и др. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. Т. 1. С. 421—427.

Казанцев И. М. Описание башкирцев. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1866. 97 с.

Карпов Ю. Ю. Кавказская женщина: мировоззренческие предпосылки общественного статуса // Этнографическое обозрение. 2000. № 4. С. 22—32.

Климович Л. И. Ислам. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1965. 334 с.

Крашенинников Н. А. Угасающая Башкирия. М.: Новое слово, 1907. 134 с.

Лепёхин И. И. Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб.: Тип. Императ. акад. наук, 1802. Ч. 2. 338 с.

Назаров П. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 164—192.

Небольсин П. Заметки о башкирцах // Отечественные записки. 1850. № 73. С. 1—9.

Никольский Д. П. Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1899. 377 с.

Руденко С. И. Башкиры: опыт этнологической монографии. Л.: Ленигр. Гублит, 1925. Ч. 2: Быт башкир. 330 с.

Рыбаков С. Очерк быта и современного состояния инородцев Урала // Наблюдатель. 1895. № 7. С. 271—291.

Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб.: Тип. Императ. акад. наук, 1897. 330 с.

Сулейманова Р. Н. Статус башкирской женщины в семье и обществе в трудах XVIII — начала XX в. // Урал — Алтай: через века в будущее: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: Ин-т истории яз. и лит. Уфим. нац. центра РАН, 2008. Ч. 2. С. 327—329.

Сулейманова Р. Н. Женщины в общественно-политической жизни Башкирии в XX веке: формы социальной активности и динамика социально-политического статуса. Уфа: Гилем, 2014. 336 с.

Филоненко В. И. Башкиры // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 8. С. 297—308.

Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренбург. губ. правления, 1859. 472 с.

Шайдуллина Л. И. Брак и развод по мусульманскому праву // Арабские страны: история: сборник статей. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 203—211.

Юдин П. Л. Башкиры: (бытовой очерк) // Оренбургские губернские ведомости. 1890. № 36.

References

Asfandiiarov, A. Z. (1997) *Bashkirskaia sem'ia v proshlom (XVIII — pervaia polovina XIX v.)* [Bashkir family in the past (XVIII — first half of XIX c.)], Ufa: Kitap.

Bergkhol'ts, L., fon (1893) Gornye bashkiry-kataĭtsy [Mountain Bashkir-Katay], *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 3—4, pp. 74—84.

Cheremshanskiĭ, V. M. (1859) *Opisanie Orenburgskoĭ gubernii v khoziaĭstvenno-statisticheskom, ėtnograficheskom i promyshlennom otnosheniiakh* [The economic, statistical, industrial and ethnographic description of Orenburg region], Ufa: Tipografiia Orenburgskogo Gubernskogo pravleniia.

Filonenko, V. I. (1914) Bashkiry [The Bashkir], *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*, no. 8, pp. 297—308.

Iudin, P. L. (1890) Bashkiry: (Bytovoĭ ocherk) [Bashkirs: (About everyday life)], *Orenburgskie gubernskie vedomosti*, no. 36.

Karpov, Iu. Iu. (2000) Kavkazskaia zhenshchina: mirovozzrencheskie predposylki obshchestvennogo statusa [Woman of Caucasus: ideological background of social status], *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 22—32.

Kazantsev, I. M. (1866) *Opisanie bashkirtsev* [The description of Bashkirs], St. Petersburg: Tipografiia tovarishchestva "Obshchestvennaia pol'za".

Klimovich, L. I. (1965) *Islam*, Moscow: Nauka.

Krasheninnikov, N. A. (1907) *Ugasaiushchaia Bashkiriia* [Fading Bashkiria], Moscow: Novoe slovo.

Lepiokhin, I. I. (1802) *Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviia po raznym provintsiiam Rossiĭskogo gosudarstva v 1770 godu* [The prolongation of Russian provinces travel's notes in 1770], St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoĭ akademii nauk, part 2.

Nazarov, P. (1890) K ėtnografii bashkir [The ethnography of Bashkirs], *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 164—192.

Nebol'sin, P. (1850) Zametki o bashkirtsakh [Travel notes about bashkirs], *Otechestvennye zapiski*, no. 73, pp. 1—9.

Nikol'skiĭ, D. P. (1899) *Bashkiry: Ėtnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe issledovanie* [Bashkirs: Etnographical and sanitary-anthropological research], St. Petersburg: Tipografiia P. P. Soĭkina.

Rudenko, S. I. (1925) *Bashkiry:* Opyt ėtnologicheskoĭ monografii [Bashkirs: Experience ethnological monograph], Leningrad: Lenigradskiĭ Gublit, part 2.

Rybakov, S. (1895) Ocherk byta i sovremennogo sostoianiia inorodtsev Urala [About everyday life and contemporary status of Ural's foreigners], *Nabliudatel'*, no. 7, pp. 271—291.

Rybakov, S. G. (1897) *Muzyka i pesni ural'skikh musul'man s ocherkom ikh byta* [Ural's muslims music and songs and essay about their everyday life], St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoĭ akademii nauk.

Shaĭdullina, L. I. (1963) Brak i razvod po musul'manskomu pravu [The marriage and divorce in the Muslim's low], in: *Arabskie strany: Istoriia* [Arab countries: The history], Moscow: Izdatel'stvo vostochnoĭ literatury, pp. 203—211.

Suleĭmanova, R. N. (2008) Status bashkirskoĭ zhenshchiny v sem'e i obshchestve v trudakh XVIII — nachala XX v. [The status of Bashkir's woman in the researches XVIII — the beginning of XX c.], in: *Ural — Altaĭ: cherez veka v budushchee:* Materialy III Vserossiĭskoĭ nauchno-prakticheskoĭ konferentsii, Ufa, part 2, pp. 327—329.

Suleĭmanova, R. N. (2014) *Zhenshchiny v obshchestvenno-politicheskoĭ zhizni Bashkirii v XX veke: formy sotsial'noĭ aktivnosti i dinamika sotsial'no-politicheskogo statusa* [Women in public and political life of Bashkiria during XX century: the forms of social activities and dynamics of political status], Ufa: Gilem.

Zefirov, V. (1989) Vzgliad na semeĭnyĭ byt bashkirtsa [Bashkir's family everyday life], in: *Bashkiriia v russkoĭ literature*, vol. 1, pp. 421—427.

Статья поступила 24.02.2016 г.